

Временно разобравшись с Цюй Чжицяном, Лян Цзивэнь заметил, что вокруг него собирается всё больше людей — все они были вынуждены прийти, чтобы избить его и одновременно спасти Цюй Чжицяна. Лян Цзивэнь не обращал на них внимания, спокойно стоял, пока Лян Тин, находясь за ним, тянула его за руку, уговаривая позвать на помощь. Хотя он и переживал за свою сестру, ради плана он сдерживал свои эмоции, наблюдая, как количество людей превысило двадцать, и большинство из них вышло из домов.

Внезапно для всех он опустил на корточки и поднял огромное бревно. Его руки были в крови, но он даже бровью не повёл, подсёк бревном, сбивая всех с ног. Чтобы усилить эффект, Лян Цзивэнь использовал внутреннюю силу, и все двадцать человек оказались на земле, чувствуя, что их ноги вот-вот откажут. Однако Лян Цзивэнь не собирался на этом останавливаться. Он с силой бросил бревно, и толстый ствол рухнул на них, почти одновременно заставив всех широко раскрыть глаза от охватившей их боли.

Лян Цзивэнь не обращал внимания на их состояние. Ему нужно было, чтобы они страдали как можно сильнее, чтобы в будущем они не осмеливались причинять неприятности его семье.

Очистив путь, Лян Цзивэнь наклонился и, схватив Цюй Чжицяна за ухо, потащил его к Цуй Дапао. Цюй Чжицян, чувствуя, как ухо вот-вот оторвётся от рвущей боли, даже не успел закричать. Игнорируя боль во всём теле, он изо всех сил старался поспевать за Лян Цзивэнем, передвигаясь на четвереньках как неуклюжая черепаха, боясь, что если замедлит, ухо останется в руке Лян Цзивэня.

Лян Цзивэнь никогда не проявлял жалости к тем, кто заслуживал смерти. На его счёту были сотни, если не тысячи убитых. Он действовал быстро и точно, и вскоре расчищ пространство вокруг Цуй Дапао.

Он тащил Цюй Чжицяна за ухо, без выражения на лице направляясь к Цуй Дапао. Его убийственный настрой больше не скрывался, и он безжалостно давил на противника. Цуй Дапао, дрожа от давящего на него напряжения, сжимал топор, который отобрал у старшего дяди Ляна, и прерывисто кричал:

— Ты, ты должен знать, я, я, я... а... а... а!

Лян Цзивэнь отпустил ухо Цюй Чжицяна, поднял его за воротник и бросил в воздух, затем подсек ударом ноги. Цюй Чжицян взвыл, и вместе с Цуй Дапао они завели дуэт.

Лян Цзивэнь наступил на лицо Цуй Дапао. Окружающие, поражённые его жестокостью, застыли в оцепенении. Он без препятствий начал пытку, отнял топор у Цуй Дапао и, под его испуганным взглядом, стал бить Цюй Чжицяна обухом. Тот корчился в судорогах от боли, а Цуй Дапао, оказавшийся под ним, словно чувствовал невыносимые страдания Цюй Чжицяна, и даже дыхание его застыло.

Закончив с Цюй Чжицяном, Лян Цзивэнь пнул его, и тот, как мешок с тряпьем, покотился по земле, затихнув. Лян Цзивэнь посмотрел на Цуй Дапао, и от его взгляда у того заломило зубы. Затем он наступил на его ногу, несколько раз провернув пяткой. Цуй Дапао слышал, как крошится его кость, и вопил от боли. Лян Цзивэнь наступил ещё несколько раз — теперь Цуй Дапао сможет лишь лежать в кровати.

Но этого ему показалось недостаточно. Ещё один удар пришёлся по мужскому достоинству Цуй Дапао.

— Ааааааа!

Лян Цзивэнь, развязав бойню, шокировал всех. Они не ожидали, что он может быть настолько безумен. Цуй Дапао, испытывая ужасную боль, почувствовал страх, но вскоре страх сменился ненавистью. Он, волоча переломанную ногу, оскалив зубы, поднял топор за спиной Лян Цзивэня. Многие закричали, предупреждая об опасности. Чжань Цзюцзян, находившийся ближе всех, с покрасневшими глазами кинулся к Лян Цзивэню — но было уже поздно.

Несмотря на крики десятков голосов, он не двигался, продолжая избивать тех, кто был перед ним. Топор Цуй Дапао опустился — Лян Цзивэнь сделал шаг вперёд, пригнувшись, и выбил кулаком.

— Хлэсть! — Звук разрывающейся одежды, казалось, многократно усилился, оглушив всех присутствующих. Кровь быстро залила его спину, а порванная ткань обнажила вату, которая моментально окрасилась в ярко-алый цвет.

— Аааа! — После мгновенной тишины крик мамы Ляна вернул всех к действительности. Семья Лян, налившись кровью в глазах, без колебаний обрушилась на врагов с оружием в руках.

Чжань Цзюцзян бросился к Лян Цзивэню быстрее, чем когда-либо в жизни, но опоздал.

— Лян Цзивэнь, Лян Цзивэнь, не пугай меня... — Чжань Цзюцзян, рыдая навзрыд, обнял Лян Цзивэня, боясь задеть его раны.

Лян Цзивэнь механически раз за разом бил кулаком по телу Цюй Чжицяна, каждый раз попадая в цель. Когда тот потерял сознание, он оттолкнул Чжань Цзюцзяна и обернулся к ошеломлённому Цуй Дапао.

Цуй Дапао не хотел убивать по-настоящему, он просто хотел проверить, действительно ли Лян Цзивэнь сошёл с ума. Но он не ожидал, что тот, залитый кровью, не остановится ни на секунду. Он лежал на земле, глядя на Лян Цзивэня, брызги крови застыли на его лице. Неизвестно почему, но перед его глазами всё покраснело, весь мир казался залитым кровью!

Лян Цзивэнь ухмыльнулся ему, безжалостно направляя всю свою убийственную ауру на Цуй Дапао. В глазах последнего Лян Цзивэнь, бледный от потери крови, с гримасой ужасной улыбки на лице, казался демоном, пришедшим за душой.

— По... по... пощади... — Цуй Дапао с трудом выдал невнятные звуки, но не успел договорить, как кулак, свистящий в воздухе, обрушился ему на спину. Удар такой силы лишил его дара речи, тело на мгновение потеряло чувствительность, но через несколько секунд его накрыла лавина боли.

— А... — Он хотел закричать, но тот удар, казалось, перебил ему голосовые связки. Он лишь скулил на земле, не в силах пошевелиться, в глазах читался отчаяние.

Лян Цзивэнь использовал в том ударе и огромную силу, и особую технику: человек будет страдать, но внутренние органы не пострадают. Внутренняя сила растворилась в его мышцах, и надолго, если не навсегда, обрекла его на бессонные ночи, наполненные мучительной болью.

Смотря на лежащего, как мешок с костями, Цуй Дапао, Лян Цзивэнь не проявлял никаких эмоций. Закончив с ним, он резко развернулся в поисках следующей цели, но как только поднял ногу, почувствовал, как маленькая влажная ладонь схватила его руку.

— Лян Цзивэнь... — Чжань Цзюцзян, всхлипывая, позвал его. — Не уходи, ты потерял так много

крови... давай больше не будем драться, хорошо?

Он поднял глаза на заплаканного Чжань Цзюцзяна. Его обычно беленькое личико теперь было испачкано слезами и пылью, глаза опухли, нос покраснел. Лян Цзивэню стало не по себе, он хотел погладить его по щеке, сказать, что всё в порядке, но сейчас он играл роль безумного дурака, поэтому лишь безучастно стряхнул его руку.

— Ууу... Лян Цзивэнь, если ты не будешь меня слушаться, я больше не буду с тобой играть, — Чжань Цзюцзян, несмотря на отторжение, снова бросился обниматься к Лян Цзивэню, уже не боясь задеть раны. Он тихо умолял:

— Лян Цзивэнь, мне страшно... ты потерял так много крови...

Его раны были тщательно рассчитаны. Он знал, что Цуй Дапао ударит его топором, и хотя он уклонился так, чтобы избежать жизненно важных органов, он точно рассчитал глубину и длину пореза. Можно сказать, что раны нанёс не Цуй Дапао, а он сам подставился под удар. Глубина не была смертельной, но кровотечение было обильным, а разрез длинным, что создавало шокирующий эффект. Это должно было доказать всем, что он сейчас безумен, и в то же время разжечь в жителях деревни Лянли такую ярость, чтобы они ненавидели Цуй Дапао ещё сильнее. Только при таких условиях они могли принудительно занять верх и избежать публичного порицания и критики как минимум в ближайший месяц.

Примечания автора отсутствуют.

<http://bllate.org/book/16557/1510863>